

СССР. Як чалавек разумны, Андрэй Януар'евіч адчуваў, што рэабілітацыя не вінавата загінуўшых не за гарамі і яму непазбежна прыйдзеца даваць справаздачу аб сваёй дзейнасці на пасту пракурора СССР. Лёс распарадзіўся інакш. 22 лістапада 1954 г. у Нью-Ёрку Вышинскі памёр ад сардэчнага прыступу. Урна з яго прахам пахавана ў Крамлёўскай сцяне на Чырвонай плошчы ў Маскве.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Звягинцев, А.Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 383 с.
2. Боффа, Дж. История Советского Союза. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. : в 2 т. – Т. 1 / Дж. Боффа ; пер. с итал. И.Б. Левина. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 629 с.
3. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон ; пер. с англ. – М. : Рос. полит. энцикл., 1998. – 464 с.
4. Ваксберг, А. Страницы политической биографии // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / А. Ваксберг ; сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 3–87.
5. Конквест, Р. Большой террор / Р. Конквест // Нева. – 1990. – № 9. – С. 118–142.
6. Викторов, Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора / Б.А. Викторов. – М. : Юрид. лит., 1990. – 336 с.
7. Вышинский, А.Я. Судебные речи / А.Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 539 с.
8. О так называемом «паралельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 30–50.
9. Хрисанфов, В.И. История государства и права России. 1917–1999 гг. : курс лекций / В.И. Хрисанфов. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.
10. Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – 308 с.
11. Кудрявцев, В. Политическая юстиция в СССР / В. Кудрявцев, А. Трусов. – М. : Наука, 2000. – 365 с.
12. Ваксберг, А. Царица доказательств / А. Ваксберг // Лит. газета. – 1988. – 27 янв. № 4. – С. 13.
13. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока» (2–13 марта 1938 г.). – М. : НКЮ СССР, 1938. – 384 с.
14. Белادي, Л. Сталин / Л. Белادي ; пер. с венгр. – М. : Изд-во полит. лит., 1989. – 318 с.
15. Платонаў, Р. «Ворагі народа» ў люстэрку гісторыка-сацыялагічнага аналізу / Р. Платонаў // Беларус. мінуўшчына. – 1994. – № 2. – С. 37–39.
16. Вішнеўскі, А.Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А.Ф. Вішнеўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Тэсей, 2006. – 328 с.

17. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – Т. 1. – М. : Воен. изд-во, 1991. – 592 с.

18. Борисов, А. Путь наверх / А. Борисов // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 8–100.

19. Вышинский, А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. Проблемы уголовной политики. Кн. IV / А.Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – С. 13–38.

20. Громыко, А. «Загадка» Вышинского / А. Громыко // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 296–304.

21. Исраэлян, В. Обличитель / В. Исраэлян // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 288–295.

22. Фляйшхауэр, И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / И. Фляйшхауэр ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1991. – 480 с.

23. Гордиевский, О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева / О. Гордиевский. – М. : Note Bene, 1992. – 767 с.

24. Бережков, В.М. Как я стал переводчиком Сталина / В.М. Бережков. – М. : ДЭМ, 1993. – 400 с.

УДК 123.334

А.В. Григорьев, Н.С. Касперович

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

На современном этапе предназначение правоохранительных органов видится в обеспечении высокого уровня общественной безопасности, прав, свобод и законных интересов граждан. Безусловно, подобная миссия может успешно осуществляться только при условии строгого и точного соблюдения, исполнения и применения законов и основанных на них подзаконных актов в деятельности самого органа охраны правопорядка. Реформирование современной правоохранительной системы подтверждает необходимость постоянного обращения к прошлому, в том числе и к особенностям становления и развития ОВД в послереволюционный период.

Развитие советской правоохранительной системы в указанный период проходило под влиянием сложного переплетения различных факторов и определялось в первую очередь задачами упрочения нового обще-

ственного и государственного строя, борьбы с преступными посягательствами на интересы государства, общества и граждан. Определяющим фактором в содержании законности являлся ее классовый характер. Так, в условиях перехода от старой общественно-экономической формации к новой классовая борьба определяет характер законности, поэтому считалось, что законность должна служить не интересам всего общества, а интересам рабочих и крестьян.

Принцип революционной законности в деятельности милиции в указанный период выражался в точном и неуклонном соблюдении, исполнении и применении декретов и постановлений государственной власти и управления при допущении в определенной степени (оговоренной в законах) революционного правосознания и революционной целесообразности, что не противоречило принципам советского права, так как еще не все стороны общественных отношений не были урегулированы правовыми нормами.

Согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса социалистическое государство и право возникают не эволюционным путем, а в результате социалистической революции. В отличие от теории правового государства, в марксистской доктрине государство выступало органом насилия, служащим интересам только экономически и политически господствующего класса, и совершенно по-иному, с классовых позиций, трактовались понятия «законность», «народ», «социальная справедливость», «свобода» и др. В этой связи однозначного взгляда на понятие дефиниции революционной законности не было.

Ряд ученых считали, что революционная (социалистическая) законность является историческим типом законности. Социальное назначение ее состояло в способствовании упрочнению и развитию общественного и государственного строя в условиях революционных преобразований, закреплению элементов большевистского тоталитаризма, обеспечению экономических и политических реформ, осуществляемых при помощи правового регулирования общественных отношений [1, с. 25].

Иные правоведы полагали, что революционная законность – это принцип строгого осуществления (исполнения, соблюдения, применения) правовых норм органами государственной власти и управления, общественными объединениями и должностными лицами в их правовой деятельности (правотворчества, правоисполнения, правоприменения) в условиях революционных преобразований государственной и общественной жизни при переходе от одного типа государства к другому.

Кроме этого, имела место и позиция, согласно которой революционная законность – атрибут властвования, важнейшее средство осуществ-

вления власти и метод государственного руководства обществом в условиях его переустройства на революционных началах. Являясь политико-правовым институтом, она вбирает основные свойства действующего политического режима, посредством правового регулирования закрепляет основы государственного и общественного строя, установленного в ходе революционного переустройства общества.

Важно отметить, что на первом этапе становления и развития Советского государства и стержнем революционной законности являлись революционное правосознание и революционная целесообразность.

Стоит обратить внимание, что революционное правосознание в свою очередь предполагало:

- отрицание всех законов эксплуататорского общества;

- приоритет интересов революции;

- признание неизбежности отмирания законов и системы права в целом после создания бесклассового общества.

В первую очередь необходимо учитывать, что в период становления административно-командной системы и формирования тоталитарного политико-правового режима объективно отсутствовала необходимость в разработке проблематики, связанной реализацией принципа законности как точного и неуклонного осуществления (соблюдения, исполнения, использования) законов, принятых на их основе подзаконных нормативных актов всеми органами государства, учреждениями, организациями, общественными образованиями, должностными лицами и гражданами. Дело в том, что для борьбы с так называемыми «врагами народа», «вредителями» Советской власти и др. необходимо было выработать иное понимание принципа законности, что позволило бы узурпировать всю полноту власти в руках большевистской партии путем фактической ликвидации прав и свобод граждан, осуществления репрессий в отношении «врагов народа» и установления значительного влияния ОГПУ – НКВД на все стороны общественной жизни. В этой связи в научный оборот и был введен принцип революционной законности, под которым понималось «соблюдение не только законов, изданных Рабочим и Крестьянским Правительством, но и проведение их на основе революционного правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни, разрешение его на основе того же правосознания в соответствии с общим духом нашей политики».

Исследование принципа революционной законности и других принципов осуществлялось советской юридической наукой строго в рамках марксистско-ленинской идеологии как основного методологического

подхода. Тем самым учение о законности в советской юридической науке находилось в плену идеологических постулатов, а западные исследования по проблемам законности и теории разделения властей как атрибутов правового государства, по мнению советских ученых, являлись антикоммунистическими теориями и попытками буржуазной идеологии замаскировать классовый характер законности в антагонистическом обществе.

Полагаем, что имевшие место нарушения законности в деятельности сотрудников органов охраны общественного порядка обуславливались:

низким уровнем правосознания, правовой и общей культуры;
слабой профессиональной подготовкой личного состава;
большой текучестью кадров («милицейской чехардой»);
недостаточным материально-техническим и финансовым обеспечением;
чрезмерной перегруженностью несвойственными обязанностями (разнос судебных повесток, оказание помощи и содействия различным ведомствам и учреждениям и др.);

недостаточно четким определением правового положения органов охраны общественного порядка.

Развитие с 1917 г. по 1925 гг. достаточно разветвленной системы внутриведомственного, партийно-государственного, общественного и прокурорского контроля и надзора за органами милиции позволяло более качественно решать стоящие перед ней задачи по соблюдению революционной законности, охране правопорядка и борьбе с преступностью.

Следует также обратить внимание, что первыми задачами по реализации норм революционной законности в деятельности органов охраны общественного порядка являлись:

- 1) усиление надзора за проведением в жизнь революционной законности;
- 2) производство глубокой ревизии работ сельских милиционеров и милицейского делопроизводства, проведение надлежащего инструктирования;
- 3) изыскание мер к подбору квалифицированного кадрового состава и ликвидация текучести кадров.

В целом оценивая полномочия, которыми обладала милиция в годы Советской власти, следует учитывать то, что все положения о милиции были лишь частью правового массива, регулировавшего деятельность милиции. Это обстоятельство объясняется тем, что неопубликованные подзаконные акты, имевшие ограничительный гриф, составляли основу милицейского законодательства, которые и определяли властные полномочия данного органа. Кроме того, многие нормативные акты, прежде

всего подзаконные, регулировавшие деятельность ОВД, не фиксировали с исчерпывавшей полнотой весь объем прав и обязанностей их сотрудников и заканчивались словами «и так далее», «и другие», «и в аналогичных случаях». Иначе говоря, многие нормы можно было толковать распространительно.

Ввиду этого недостаточная четкость в регламентации полномочий ОВД послужила одной из причин значительного числа нарушений законности в их деятельности не только в первые годы Советской власти, но и в период существования Советского государства. Подтверждением тому служит тот факт, что Положение о советской милиции, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385, было опубликовано лишь в 1985 г. – через 12 лет после принятия [2]. И это неудивительно, ведь впервые в качестве основополагающего принципа деятельности МВД принцип законности получил прямое законодательное закрепление только 8 июня 1973 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»: «вся деятельность милиции основывается на строгом соблюдении социалистической законности». Однако законность и служебная дисциплина рассматривались как равнозначные понятия. Это ошибочное представление, по справедливому утверждению А.Ф. Вишневого, в годы массовых репрессий как раз и камуфлировало нарушение законности [3, с. 117]. Засекреченные ведомственные инструкции и приказы, обязательное исполнение которых и составляло основное содержание служебной дисциплины в системе НКВД – МГБ – МВД, противоречили основным положениям Конституции СССР, другим законодательным актам Советского государства.

Таким образом, организация и деятельность всех государственных органов (особенно правоохранительных) в годы Советской власти осуществлялась на основе принципа революционной законности (впоследствии – социалистической законности), под которым понималось соблюдение не только законов, но и проведение их на основе революционного (социалистического) правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни, разрешение его на основе того же правосознания.

Список использованных источников

1. Строгович, М.С. Теоретические вопросы советской законности / М.С. Строгович // Совет. государство и право. – 1956. – № 4. – С. 20–26.

2. Об основных правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью : Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 8 июня 1973 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1973. – № 24. – Ст. 309.

3. Вишневецкий, А.Ф. Проблема укрепления служебной дисциплины и законности в деятельности органов внутренних дел Беларуси в последней трети XX в. / А.Ф. Вишневецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 115–125.

УДК 351.742 (476) (091) (043.3)

А.И. Мурашко

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЖАНДАРМСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ
НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

Обеспечение охраны общественного порядка, противодействие преступности, функции политической полиции по обеспечению государственной безопасности на объектах железнодорожного транспорта Российской империи с момента строительства первых железных дорог были возложены на экстерриториальные подразделения жандармской железнодорожной полиции. В 1916 г. железные дороги Беларуси находились в зоне обслуживания 21 отделения шести жандармских полицейских управлений (Московско-Рижского, Виленского, Варшавского, Киевского, Петроградо-Виндавского, Северо-Западного) железных дорог, личный состав насчитывал 606 служащих [1]. Для сравнения: в пяти губернских жандармских управлениях, действовавших на территории белорусских губерний в 1916 г. насчитывался 81 жандарм [1].

В период Первой мировой войны железнодорожный транспорт становится стратегически важным государственным объектом, эффективность функционирования которого зависела, в том числе от обеспечения правопорядка на нем железнодорожными жандармами.

В первую очередь в этот период был усилен контроль со стороны жандармов за точным исполнением норм Общего устава Российских железных дорог, правил пребывания на железнодорожных станциях и проезда в поездах. Публике запрещалось причинение любых повреждений пути, сооружений и объектов железной дороги, воспрещалось загромождение железнодорожного полотна любыми предметами. Перезезжать и переходить железную дорогу разрешалось только в специально

отведенных местах. Доступ на станционные платформы ограничивался. На станциях устраивались заграждения в виде заборов и оград, вход на перрон разрешался только по билетам или удостоверению служащего. Пассажирам запрещалось входить (выходить) в (из) вагоны (ов) во время движения поезда, оставаться на площадках вагонов, во время движения переходить из одного вагона в другой, высовываться из окон, открывать двери вагонов. Пассажиры, виновные в нарушении правил, привлекались к ответственности. Надо отметить, что железнодорожные жандармы не только контролировали исполнение правил пользования железнодорожным транспортом, но порой, рискуя своей жизнью, спасали пассажиров. Например, в 1917 г. на станции Северо-Западной железной дороги ефрейтор продовольственного транспорта, перескакивая из одного вагона в другой, сорвался и попал под колеса поезда. Находившийся поблизости жандармский унтер-офицер Ломако, не растерявшись, вытащил ефрейтора из-под колес, чем спас ему жизнь. За свой геройский поступок унтер-офицер был представлен к награде [2, л. 89].

Дополнительной обязанностью железнодорожных жандармов становится охрана железных дорог от злоумышленников. В соответствии с постановлением Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта 25 мая 1915 г. ответственность по охране железнодорожного полотна возлагалась на начальников отделений жандармских полицейских управлений железных дорог [3, д. 25412, л. 29]. С этой целью к охране привлекалось население местностей, прилегающих к линиям железных дорог. Всей организацией несения службы местным населением занимались железнодорожные жандармы.

С началом войны железнодорожный транспорт полностью был задействован для обеспечения действующей армии всем необходимым. В связи с этим на железнодорожных жандармов возлагались обязанности по наблюдению и контролю за перевозкой военных грузов. Чины жандармской полиции обязаны были принимать меры по сохранению режима секретности данных мероприятий, предупреждению несчастных случаев при перевозке, охране от преступных посягательств на груз.

В августе – сентябре 1915 г. началось массовое движение беженцев, что еще больше усугубило криминогенную ситуацию на железнодорожном транспорте. Общая численность беженцев в Российской империи в конце 1915–1917 гг. достигала 3–4 млн человек, на Беларусь приходилось около 1–1,5 млн [4, с. 6].

Чины жандармских полицейских управлений оказывали помощь при перевозке беженцев и размещении их на железнодорожных станциях. На жандармов были возложены обязанности по обеспечению охраны